

В издательстве «Художественная литература» в серии «ИМПЕРИАЛИЗМ: СОБЫТИЯ, ФАКТЫ, ДОКУМЕНТЫ» вышла книга «ПОЛЕ БИТВЫ — СЕРДЦА ЛЮДЕЙ».

Развязанная империализмом «психологическая война» против стран социализма — это борьба за умы людей, их миропонимание, жизненные, социальные и духовные ценности и ориентиры. Не только противодействовать, но и упреждать идеологические диверсии буржуазной пропаганды — основная задача работников средств массовой информации, публицистов, писателей.

Вошедшие в книгу статьи Л. Замятина, А. Беляева, Н. Федоренко и других авторов вскрывают антигуманную сущность реакционных направлений в современной буржуазной литературе, искусстве, культуре. Предлагаем читателям одну из них.

НАЧНУ с утверждения, с моей точки зрения, отнюдь не парадоксально, напротив, понимаемого мной, безусловно, однозначно.

Настало время судить о литературе с позиции не только традиционных эстетических идеалов, но прежде всего с высоты самых насущных и жестких требований дня.

Расщепив атом, человечество вторглось в такие тайны мироздания, которые, казалось, доступны и подвластны только «богам». Все зависит отныне от нас, от воли людей — мы держим в руках могучую энергию Вселенной. При разумном использовании она может принести великие блага, но легкомыслие, безответственность чреват угрозой невиданной катастрофы — исчезновения всего живого на планете.

И что же обнаружилось? Тяжко, страшно быть «богом». Так вот. Если современная литература не способствует тому, чтобы люди, ставшие «богами» над самими собой, ощущали себя все-таки сначала людьми, если она не способствует возвышению и распространению высшей идеи человечества — социалистического гуманизма, идеи, которую мы обязаны противопоставить бездуховности, бесчеловечности империализма и милитаризма, то эта литература не может претендовать на статус современной.

Если литература способствует преобладанию в мире главной мысли эпохи, ведущей к рождению нового сознания, к взаимопониманию между обществами, народами, отдельными людьми, — это наисовременнейшая литература.

Мне представляется, что судить себя и других надо, исходя из этих требований. Вся так называемая текущая литература должна быть к этому устремлена. Миссия ее в том, чтобы в своем живом развитии она помогла породить мыслителей-художников типа Толстого или Достоевского наших дней.

Почему типа Толстого? Почему типа Достоевского? Потому что они — «эталон» художественного самознания действительности. Не случайно сразу же по выходе романа «Братья Карамазовы» И. Н. Крамской писал в одном из своих писем: «После Карамазовых (и во время чтения) несколько раз я с ужасом оглядывался кругом и удивлялся, что все это идет по-старому и что мир не перевернулся на своей оси. Казалось: как после семейного совета Карамазовых у старца Зосимы, после «Великого инквизитора» есть люди, обирающие ближнего, есть политика, открыто исповедующая лицемерие, есть архиерей, спокойно полагающие, что дело Христа своим чередом, а практика жизни своим: словом, это нечто до такой степени пророческое, огненное, апокалиптическое, что казалось невозможным оставаться на том месте, где мы были вчера, носить те чувства, которыми

мы питались, думать о чем-нибудь, кроме страшного дня Судного».

И все-таки жизнь идет «по-старому» и... «не по-старому».

Каким был до и стал после Пушкина, Толстого, Достоевского, Чехова, Горького, Маяковского мир и человек в мире?

Сколько поистине гигантских шагов в своем художественном развитии сделало человечество благодаря им!

Чингиз АЙТМАТОВ

ЭХО МИРА

ЗЛОБОДНЕВНЫЕ МЕЧТАНИЯ

Я НЕ ДУМАЮ, что классикам было легче пробиться к душе человека. Это никогда не бывает «легче».

Другое дело, что любое произведение, написанное нынешним автором, неизбежно прочитывается на фоне Пушкина.

Кстати, этот «фон» остро чувствовали такие гении русской литературы, как Толстой, Достоевский, Блок. Недаром первый из них называл Пушкина «отцом».

Мне кажется, всякий сегодняшний писатель, берясь за какую-либо самую актуальную тему, не может не задаваться вопросом: а как об этом написал бы Толстой?

Личность — подтекст творчества.

Подражать в литературе — дело безнадежное.

Суть же истинного, стало быть, современного творчества в другом. Толстой размышлял и об этом: чтобы быть в состоянии сказать нужное и важное людям, писатель должен быть участником «общей жизни человечества».

«Общая жизнь человечества» сегодня, от чего зависит состояние, то есть историческое и нравственно-философское мироощущение художника, призванного сказать нужное и важное людям, — это и Октябрьская революция, и победа над фашизмом, чумой XX века, и выход человечества в космос, и, наконец, всеобщая тревога за всеобщую судьбу всех нас.

Важно осмыслить эти всемирно-исторические прозрения, потрясения, принципиальным образом повернувшие и изменившие судьбу человечества, как события личной духовной жизни.

Осмыслить — прежде всего выстрадать.

Говоря иными словами, писатель (кто, по определению Горького, не нянька собственной души, а эхо мира) обязан выстрадать историю.

Только в том случае, если вся его душа переполнена болью, негодованием и любовью, он имеет моральное право называться писателем, ибо только так и можно «служить литературе», а не служить в ней или при ней.

ременной литературе в пределах НТР, в пределах локальных событий, в пределах только тематических пластов, в пределах риторико-декларативной поэзии, а порой в рамках прописных истин, выдаваемых и воспринимаемых как откровение, разговор не может быть полноценным и перспективным.

Не объясняется ли это обстоятельство, в частности, тем, что сегодня действительно все труднее потрясти человека силой искусства — болевой порог резко повысился: даже библейские пророчества «конца света» ступевались и совсем уже стали наивными перед тем ужасом, какой дамокловым мечом навис над человечеством?

НЕУЖЕЛИ и в самой жизни нет ничего, что бы уже теперь не восстало против грозящей катастрофы и в чем литература могла бы черпать новые, неведомые ей, неиспробованные силы?

Разумеется, есть. Не может не быть. Всегда ли мы умеем увидеть, распознать это — вот в чем вопрос.

Мне приходилось уже рас-

НО РАЗВЕ порой не меркнет любой миф перед непридуманной жизнью?

Возможно, спустя столетия наша реальная история станет восприниматься как легенда, и будущие участники одной из подобных дискуссий сломают немало копий в поисках ее корней. И может быть, подумают о наивно-фантастическом мирозерцании, присущем человечеству в седом прошлом, то есть в XX веке.

Но хочется, чтобы кто-то из них, опустившись из заоблачных высей абстрактных рассуждений, высказал и такую точку зрения: «миф», коль скоро он родился и выдержал испытание временем, имел же он в основе своей нечто реальное, а не служил только сказкой для детей.

Эта реальность — мера нашей нравственности, активного гуманизма, гражданственности, неизбежная в любой сфере человеческой деятельности, если мы всерьез исповедуем идею, что человек — творец собственного отношения и к миру, и к самому себе.

Вне этого бесполезно говорить о концепции личности современного человека, идеал которого заявлен в литературе социалистического реализма — «положительный герой».

Создан ли его канонический образ? Убежден, что, ставя так именно вопрос, мы уже совершаем ошибку, ибо, вынужденные признать, что «нет», можем усомниться в самой идее «положительного героя».

Выскажу по ходу одно соображение.

Не упрекаем же мы Достоевского, мечтавшего о «положительно прекрасном человеке»: кого из его героев, с точки зрения иных нынешних критиков, можно было бы причислить к лику таковых? Ведь, пожалуй, никого.

И все-таки он есть. Этот герой — правда, которую в муках и борениях искал писатель вместе со своими героями. И та самозабвенная и самоотверженная любовь к правде, которую он воспитывал в читателе, в человеке.

ВЕРНУВШИСЬ к нашим делам, нужно не огорчаться, а благодарить судьбу, что «образ положительного героя» не поддается канонизации, что он не желает быть втиснутым в рамки регламентированных недальновидными критиками постулов, чувств, мыслей.

Задача состоит в том, чтобы изобразить «положительного героя» человеком мыслящей души. Современная литература современна настолько, насколько современен герой, его изображаемый, — какой накал страсти способен он испытывать в борьбе за социальную справедливость, сколь велики его боль и тревога за судьбу сегодняшнего мира, сколь глубока и остра его историческая память, его вера в будущее человечества.

Николай Тихонов говорил, что мировоззрение — внутреннее солнце поэта.

Так вот. Если в книге мы не ощущаем внутреннего света, присутствия солнца надежды, которое должно засиять, хотя бы небо было затянуто тучами, мало сказать, что такая книга не современна — она тянет назад.

И подлинно современная литература, призванная помочь выбрать человечеству и отдельному человеку, тогда лишь может надеяться, что выполнит свою миссию, если поднимется на высший уровень нравственно-философского и художественного мышления.

